

бы достаточно хорошо осведомлены об этих сражениях благодаря длинным перечням посвященных им вопросов. С другой стороны, верно, что эта проблема приобретает большое значение вследствие своих религиозных, а не критических коннотаций. Речь идет прежде всего о том, чтобы узнать, может ли человек при познании истины обойтись без Бога. От ответа на данный вопрос зависят ценность августиновских доказательств существования Бога через истину, а также значимость учения о внутреннем Учителе и о внушаемой Им духовности. Поэтому мы видим, что сам Пеккам глубоко исследует эту проблему в своих «Вопросах о душе». Озабоченный тем, чтобы ничего не потерять из истинных положений философов, а в особенности не пожертвовать ничем существенным в учении Августина, он приписывает каждому человеку тварный действующий интеллект, но при этом ставит над ним высший действующий Интеллект, который есть Бог. Так что его позиция отличается от позиции Авиценны, для которого единый действующий интеллект человеческого рода — это не Бог, а некая отдельная интеллигенция. Не принимает Пеккам и позицию Фомы Аквинского, с точки зрения которого Бог не есть наш действующий интеллект. Но если бы ему пришлось выбирать между Авиценной и Фомой Аквинским, Пеккам предпочел бы первого: «*melius posuit Avicenna, qui posuit intellectum agentem esse intelligentiam separatam, quam illi ponunt, qui ponunt eum tantum partem animae*»*. В действительности, единственный человек, сказавший по этому поводу истину — если

не полную, то по крайней мере относящуюся к существу проблемы, — это св. Августин. Никто в Оксфорде не мог ее отвергнуть вплоть до самого конца XIII века. Пеккам оставался верен святым отцам и в науках. Мы уже упоминали его трактат по оптике «Общая перспектива» («*Perspectiva communis*»), «Трактат о сфере» («*Tractatus sphaerae*»), «Теория планет» («*Theorica planetarum*») и «Основы математики» («*Mathematicae rudimenta*»). В них он продолжает оксфордскую традицию Роджера Бэкона и Роберта Гроссетеста. Возможно, было бы неверно говорить о существовании в средние века единой оксфордской школы, но «дух Оксфорда» существовал и в XIII веке. Хотелось бы проследить историю его патристической культуры на протяжении исторических эпох; хотелось бы, в частности, узнать, случайно ли колледж Ориэль дал нам в XVIII веке Джозефа Батлера, а в XIX — Генри Ньюмена**.

За исключением Роберта Гроссетеста, который открывает список великих оксфордцев XIII века, все английские мыслители того времени, о которых мы говорили, принадлежали к одному из двух крупнейших нищенствующих орденов***. Изучение английских преподавателей-мирян все еще гораздо менее продвинуто, чем изучение их парижских коллег. Мы мало знаем о Роберте из Уинчелси (ум. в 1313), авторе «Теологических вопросов»; о Генрихе из Уайла (ум. в 1329), который оставил «Вопросы к «О душе»» («*Quaestiones «De anima»*»); о Гилберте из Сигрейва (ум. в 1316), о котором Леланд говорил, что его произведения встречаются повсюду — в библиотеках Оксфорда и в других местах, но ни одно из них до сих пор не идентифицировано (Д. Э. Шарп). Единственный из английских преподавателей-мирян, который недавно был извлечен из забвения, — это Симон (Саймон) из Фейверсхема (ок. 1240—1306); опубликованы его «Вопросы» к «Категориям» (К. От-тавиано) и к III книге «О душе» («*De anima*») (Д. Э. Шарп). Они представляют собой краткие и ясные заметки профессора, хорошо зна-

3. От Гроссетеста до Пеккама: А. Оксфордские магистры

когого с греческими и арабскими комментариями к трудам, о которых он пишет; его сдержанные суждения не провоцируют каких-либо философско-теологических авантюр.